

Продолжение статьи «Духовное движение с Запада»

Фрэнк Бухман остается для нас примером нравственной воли, не замутированной обидой, возмущением, нетерпимостью, ненавистью, – воли к добру, примирению, прощению, воли, вырастающей из тишины сердца и находящей дорогу к сердцу собеседника. Многие последователи продолжают его опыт медитации на рассвете. Но в утренней тишине они ищут ответа на вопросы, которые еще не вставали перед Бухманом.

Бухман родился в позапрошлом столетии. Его идеи складывались во время бесплодных конференций по разоружению накануне второй мировой войны. Отсюда термин «моральное перевооружение», который сегодня не вызывает ассоциаций и без комментария не совсем понятен. Но трудно найти другое яркое название.

Духовная энергия Бухмана неотделима от англо-саксонского эмпиризма и прагматизма, от пафоса практики, дела. Он нашел слова, понятные мусульманину, чтобы помирить пашу с королем Марокко; но его экуменизм не шел дальше практического сотрудничества людей разных вер, без обсуждения богословских проблем. Это прекрасно, но не достаточно. Идея диалога религий сложилась на иной, католической почве.

Для Бухмана новое время пошатнулось, но не исчерпало себя, и мораль пионеров, покоривших Новый Свет, еще жива; нужно только усилие воли, чтобы реанимировать ее. Это не только его личная установка. Она сыграла великую историческую роль и помогла англо-саксам не поддаваться безумным идеям, захватившим Россию, Италию, Германию, Китай, Вьетнам, Кампучию, Кубу... Евразия состоялась, Восточная Азия состоялась, Океания, слава Богу, осталась в романе Оруэлла. Однако сегодня на самом Западе говорят о посленовом времени. Это не время коммунизма, не время нацизма, но что это – никто не знает. Начался дрейф. Плываем неизвестно куда.

Расширение техногенной цивилизации уперлось в возможности биосферы и в возможности самого человека. Если бы вся Африка и Азия дотянулась до уровня США, нечем стало бы дышать. Западное чувство комфорта основано на стихийно сложившемся механизме, который перебрасывает экологическую, социальную и психологическую напряженность в менее развитые страны. Вывоз грязных производств – заметная, но очень небольшая часть дела. Растущий разрыв между богатыми и бедными нациями постоянно обнаруживает новые аспекты. Казалось, что он беспокоит только совесть; но сегодня поток эмигрантов грозит перевернуть вверх дном устоявшийся в Европе порядок. И даже если политики закроют глаза на декларацию прав человека и поставят барьер на пути голодных, рвущихся в сытую жизнь, то достаточно высокой рождаемости в семьях мусульман, ставших гражданами Европы, чтобы нынешнее большинство населения оказалось беспомощным меньшинством. И есть еще целая вереница духовных проблем, не поддающихся точному измерению.

Я много думал о кинотеатре в Абадане, который иранцы сожгли вместе со зрителями американского эротического фильма. Я не знаю, что это был за фильм, но «Горькую луну» имел терпение досмотреть до конца, и протест против такого искусства мне понятен. Христос учил ненавидеть грех, а не грешников; можно назвать фанатиками демонстрантов, выступивших в защиту убийц, поджигателей, но протест против нравов Содомы и Гоморры – не только фанатизм. Меня потрясла решимость людей, заранее записывавшихся в мечетях идти в первых четырех рядах шествий, на верную смерть под пулями шахских войск. Что противопоставить их энтузиазму? Бухман не сталкивался с этой проблемой.

Бухман жил в Европе, считавшей себя христианской; сегодня она сама называет себя постхристианской. Европейцы по привычке тянут лямку добросовестного труда,

но их идеал – «человек играющий», ищущий наслаждений. Мой друг, писатель Александр Мелихов, назвал современную культуру мастурбационной. Простым глазом видно, что она завершается в наркомании, СПИДе и физическом вырождении. Уже после смерти Бухмана ящик Пандоры, приоткрытый развитием, раскрылся во всю ширь и обрушил на нас целую бездну нового. Развитие стало каскадом революций. Рушится связь между поколениями. Молодежь, вступая в изменившийся мир, перестает понимать язык священных книг. Символом становятся холодильники, проделавшие озоновую дыру. Каждое новое изобретение оказывается лекарством с неизвестными противопоказаниями, которые мы слишком поздно познаем на самих себе.

Все производительные силы обернулись в XX веке своей изнанкой, стали разрушительными силами. Эта изнанка существовала всегда, но при медленном развитии культура как целое успевала освоить новое и найти для него, если можно так сказать, экологическую нишу. При стремительных темпах новое становится стихией, ураганом, сносящим крышу. Карл Поппер сравнивал влияние коммерческого телевидения с отцом-алкоголиком в семье. Создатель теории «открытого общества» беспомощно спрашивал, чем заменить цензуру, и не находил убедительного ответа. Его призыв к журналистам – «не вредить!» – прозвучал как глас вопиющего в пустыне. О разрушительном влиянии телевидения писали многие, но бизнес, приносящий миллиарды прибыли, не прислушивается к критике. Борьба с засорением нравственной среды (moral pollution) выглядит, как попытка вручную перегородить могучую реку.

Рождение человека – благо, но массовая рождаемость в семьях, не способных воспитать детей, создает полчища варваров, и я вспоминаю провинциальных самураев, которые, на рубеже XIII в., безо всякого внешнего вторжения, разрушили утонченный Хейан. Широкий доступ к информации – благо, но без воспитания культуры отбора она становится злом, и к услугам юношей создана специальная кнопка «порно»: не надо долго искать...

Новые проблемы ошеломляют нас каждые пять, десять лет. А между тем, остается не решенной старая, проклятая, – несовместимость бесконечного роста с ограниченностью Земли. Развитие цивилизации до какого-то момента расширяло духовные возможности человека. Города создали новые кризисы, но в городах возникли и мировые религии, с которыми человечество вышло из кризиса древних культур. Сегодня складывается глобальный город, грозящий задушить самого себя, и духовный поворот, способный дать силу выйти из кризиса, заставляет себя ждать. Можно заключить несколько соглашений и остановить рост. Но что делать с людьми, не способными остановиться в своей захваченности беличьим колесом дела, как повернуть их ум от экономического и информационного роста к духовному?

Постмодернизм часто сравнивают с александрийским периодом древности. Можно сравнить современную цивилизацию и с последними веками Рима. Тогда утрачен был пафос расширения мировой державы, надо было найти новый смысл жизни, и в конечном счете он нашелся в сознании греха, покаянии и повороте к духовному росту личности. Вместо храмов с колоннадами, которые обходили, не входя внутрь, стали строить церкви, где молящихся втягивало внутреннее пространство. И пусть внутренний рост, путь в глубину захватил только элиту, – направление цивилизации давало это творческое меньшинство. Оно держало под своим контролем варваров примерно тысячу лет, и духовное наследие, которое оно нам оставило, до сих пор вдохновляет попытки сочетать созерцание с действием, духовную глубину с социальной активностью. Движение, начатое Бухманом – одна из таких попыток. Но сегодня ее нельзя продолжать без перемен. Сегодня пора переставить некоторые акценты.

Как совершить этот поворот, никто толком не знает. Существуют тысячи проблем, тысячи институтов, и сотни тысяч интеллектуалов ломают свои головы, но сами теории, сами планы, сами концепции выхода из очередного тупика становятся новой опасностью.

Старым цивилизациям не хватало ума. Ум блистал в философии, но практика оставалась во власти преданий и предрассудков. Консерваторы с этим очень долго мирились, но темп перемен ускорялся, и традиция перестала отвечать на неотложные вопросы. Отвечать стал свободный разум. Но первых порах это захватывало и вдохновляло. Гегель писал о величественном восходе солнца. А потом победа разума оказалась пирровой. Я говорю не об отдельных решениях, а о более глубоких следствиях рационализма. Достоевский создал притчу об этом в романе «Преступление и наказание».

«Неужели ты думаешь, что я, как дурак, пошел, очертя голову? – спрашивал Раскольников Соню. – Я пошел как умник, и это меня сгубило». Дело не в отдельной ложной идее, не в ошибке Раскольникова, а в ограниченности любой идейности. «Еще хорошо, что вы старушонку только убили, – говорил Порфирий Петрович. – А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали».

Порфирий Петрович оказался прав. Опыт последних веков показал, как опасно доверять логике, не проверяя ее сердцем и духовным опытом. Ум, ставший практической силой, опасен. Опасен научный ум со своими открытиями и изобретениями. Опасен политический ум со своими реформами. Нужны системы защиты от разрушительных сил ума, как на АЭС – от атомного взрыва. Ни один злодей, разбойник, садист не совершили столько зла, сколько энтузиасты благородных идей, прогрессивных идей, целенаправленного добра (я соединил в одной фразе мысли, высказанные несколькими моими современниками: Василием Гроссманом, Юрием Айхенвальдом, Наумом Коржавиным, Александром Галичем). Миллионы людей убивала идея окончательного решения, окончательного выхода из всех кризисов, идея прыжка из царства необходимости в царство свободы (или в другую утопию). Проекты разные, но итогом всех окончательных решений и ликвидаций вредных классов было одно и то же: шигалевщина. «Цицерону вырезывается язык, Шекспиру выкалываются глаза». Люди превращаются в образцовых северокорейских коммунистов, изучающих чучхе.

Идеи тоталитарных движений уходят вглубь великих эпох – Просвещения (у коммунистов) и Романтизма (у гитлеровцев). Большой Брат обещает покончить с невыносимым страданием. «Революция – самый безболезненный путь с точки зрения трудящихся масс», – писал Ленин. Опыт, казалось бы, говорит, что машина террора убивает своих создателей и оставляет за собой руины. Но уроки истории, по словам Гегеля, никому не идут на пользу. Каждое время считает себя неповторимым. Каждое новое движение уверено, что оно учло ошибки своих предшественников. Ленин учел ошибки французских революционеров, мусульманские интегралы – ошибки диктаторов, действовавших без благословения Бога. И даже Баркашов критикует Гитлера, недооценившего славян. Новая версия тоталитаризма всегда уверена в своей творческой силе.

Однако дело не только в крайних формах административного восторга. Термин «административный восторг» был создан Щедриным на опыте царской администрации. А Роберт Белла опирался на опыт американской администрации, сформулировав задачу мыслящего современника: «удерживать деятелей от охватывающего их транс».

Алистер Хулберт, эссеист, долгие годы работавший в одной из комиссий ЕЭС, писал, что государственные мужи Запада только делают вид, что они понимают, куда

нас несет. И дело не только в ограниченности того или иного президента, премьера. Среди них попадаются люди очень умные и даже способные к созерцанию. Мне рассказывали, что Конрад Аденауэр, приехав в Москву выручать немецких военнопленных, полтора часа просидел в Третьяковской галерее около своей любимой иконы. Конечно, это редкий случай, но можно вспомнить и другие. Беда в том, что даже выдающиеся умы беспомощно стоят на берегу потока перемен. Они не в состоянии охватить то, что уже сегодня бесконечно сложно и что становится еще сложнее. Развитие цивилизации есть развитие человеческой неспособности разбираться в жизни общества. Древние мудрецы разбирались в целостности человеческой жизни лучше, чем современные ученые. Взгляд с птичьего полета на гигантский поток времени, оторвавшегося от вечности, дается единицам, и даже эти единицы воспринимают целое как бы в тумане, не различая подробностей. А когда покров тумана рассеивается и что-то выступает ясно и отчетливо, никто не верит Кассандре.

Когда толпа азербайджанцев начала резать армян в Сумгаите, власть бездействовала. Были введены войска, но без патронов. Солдаты вынуждены были защищаться от погромщиков и ничего не могли сделать для их жертв. Несколько лет спустя, в клубе «Свободное слово», я задал М. С. Горбачеву вопрос, как это объяснить? Он промолчал. Видимо, большинство политбюро хотело припугнуть армян, требовавших немедленного возвращения Карабаха и нарушивших хрупкое равновесие на Кавказе. Власть сделала вид, что действует – и бездействовала. Эта мелкая хитрость имела непредвиденные последствия. Ее поняли как знак, как символ, как указание, что государство отказалось от своей монополии на убийства. Теперь убивать мог каждый. По стране прокатилась волна погромов. И мне кажется, что именно тогда горные чеченцы, дерзко восставшие еще в 1938г., против сталинского Большого Террора, когда все трепетали перед тираном, решили, что их час настал. Смута в центре России давала им шанс. Они увлекли народ. И начались события, которые привели к кавказской войне. Центральная власть долго колебалась, а потом перешла от непродуманного бездействия к еще менее продуманным действиям.

Так же колебались страны НАТО. Сперва – закрывая глаза на резню в Африке: там было слишком жарко для европейских солдат. Потом – закрывая глаза на репрессии против курдов в Турции. Даже прямая агрессия против республики Кипр не вызвала ответных действий. Турция была нужна как военный союзник, и поэтому могла поставить себя, как сказал один из средневековых германских императоров, «выше грамматики» (в данном случае – выше права). Был избран другой плацдарм для наведения порядка: Сомали. Но там нечего было бомбить. А в уличных схватках американские солдаты несли потери, возмущившие избирателей. И мировая держава отступила перед кучкой партизан (после чего тема Сомали исчезла из СМИ). Наконец, нашлась возможность благородного вмешательства, оправданного защитой прав человека. В Югославии было, что бомбить с безопасной высоты в 5000 м., и было центральное правительство, способное капитулировать. Изящная операция была проделана, – правда, не совсем так быстро, как хотелось. Что касается отдаленных последствий, то о них так же мало думали, как в Кремле о последствиях Сумгаита.

Мой друг Лайф Ховельсен показывал мне статью Дж. Биллингтона, предупреждавшего администрацию Клинтона, что действия НАТО в Югославии могут привести к власти русского Милошевича, с которым будет труднее справиться, чем с сербским Милошевичем. Мне в России это было очевидно. Я писал в те дни (цитирую предисловие к книге «Благая весть», вышедшей в начале 2000г.):

«С русской точки зрения, очень заметно лицемерие рыцарей прав человека. Когда взяты были в плен три американских солдата, вся Америка была взволнована. Гибель сотен жителей Югославии, попавших под бомбы, там спокойно принималось

как неизбежность. Бросается в глаза деление людей на два сорта: первый, состоящий из личностей, и второй, воспринимаемый статистически, как сотни тысяч, когда гибель 200-500-800 человек – не проблема. Возникает аналогия с дипломатией канонерок: подъезжает корабль, стреляет из пушек по туземцам, у которых пушек нет, и местный князь открывает ворота для европейских принципов, миссионеров и товаров. С одним различием (не в пользу НАТО): канонерки не палили семьдесят дней подряд и не разрушали экономику целой страны за то, что она не избрала президента лучше Милошевича.

Что касается России, то про нее все забыли, – и про ее исторические симпатии, и про сдвиги, вызванные тем, что пережито было как национальное унижение. А Россия, ослабленная смутой, чувствовала себя страной туземцев, которую завтра тоже можно будет бомбить во имя какого-нибудь принципа. От этого агрессивный энтузиазм, с которым принята была очередная кавказская война, готовность смести Грозный с лица земли».

На волне этого энтузиазма пришел к власти Путин. Возможности демократического развития сошли на-нет, потонули в чувстве унижения и обиды, и народ проголосовал за людей в погонах, за родное военно-полицейское государство. Сближение с Европой осталось потерянной возможностью, скорее всего – надолго.

Это, однако, не последнее следствие точно действовавших ракет. Ирония судьбы может стать злой через несколько десятков лет, если прогнозы демографов оправдаются и немцы во Франкфурте, французы в Марселе почувствуют себя как сербы в Косове.

Итоги нового переселения народов трудно предвидеть. Население римских окраин стало носителем римской культуры и сумело научить латыни готов, франков, даков. Я сам принадлежу к русской культуре не по крови и не только по языку (хотя лет с восьми стал думать по-русски). Меня окончательно захватили Тютчев, Толстой, Достоевский, и когда была возможность уехать на историческую родину, я чувствовал, что моя духовная родина – в иконах Андрея Рублева. Но ассимиляция не может быть быстрой.

Современный транспорт создает только мозаику культур. Сосуществование трудно совместимых групп в одном пространстве толкает одних к осознанию духа единства, а других – к взаимной ненависти (как мы это видели в Югославии). На стыках цивилизаций не раз возникали новые цивилизации (например Тибет), но очень не скоро. Отчуждение и ненависть растут быстрее, чем понимание друг друга. Сможем ли мы сами понять людей, захваченных чувствами католиков и гугенотов в Варфоломеевскую ночь? Сможем ли мы сами понять протест, вызванный вторжением электронных СМИ в чужое культурное пространство?

К Рамакришне пришел отец, потерявший своего единственного сына. Рамакришна зарыдал вместе с несчастным и рыдал с ним трое суток. А затем он запел гимн, и отец, потерявший сына, запел вместе с ним. Этот пример постоянно стоит перед моими глазами. Чтобы помочь людям перейти от страстной односторонности к бесстрастию духа, надо войти в их односторонность, понять ее необходимость, понять рациональность иррационального (например, фундаментализма – как реакции на аномию, на расшатывание шкалы ценностей от столкновений разных шкал). Сумеет ли Запад понять, что его СМИ провоцируют мусульманский экстремизм? А поняв это, сделать необходимые практические выводы? Можно ли проводить конструктивную политику без понимания некоторых еще не написанных законов диалога культур?

Я считаю событием заседание семинара Христианской медитации им Джона Мейна, которое вел, в 1994г., Далай Лама XIV. Я сожалею, что только в 2000г., в Осло, услышал развернутое изложение идей Далай Ламы и вскоре прочел его книгу «Доброе сердце». В 1996г. в Ко появление Далай Ламы было скорее частью церемониала. Я

часто вспоминаю афоризм, который прочел в одной из статей Дж. Биллингтона: «Если мы не прислушиваемся к чужим молитвам, мы рискуем услышать их, как боевой клич».

Я думаю, что Горный Дом мог быть местом встреч всех течений, ищущих перехода от бульдозерной глобализации, стирающей с лица земли народы, к диалогу культур, наподобие диалога наций, сложившегося в Европе. Этот проект может быть осуществлен, несмотря на все конфликты и войны. Войны были и в Европе (тридцатилетняя, семилетняя), но они не помешали становлению духовного единства, и, в конце концов, дух единства победил дух раздора. Путь, проделанный Европой, может быть примером глобального развития.

На этом пути много препятствий, много нерешенных вопросов. Но правильно поставленный вопрос – это уже половина ответа. И общество, созданное Фрэнком Бухманом, может стать местом, где проблемы человечества ставятся шире, глубже, всестороннее, чем в центрах специализированных наук, примером исследования, не оторванного от духа, приходящего в утренней тишине.